

Научная статья
УДК 331.5
doi: 10.17223/19988613/76/7

Эволюция регулирования трудовой миграции на евразийском пространстве в XX – начале XXI в.

Анастасия Михайловна Погорельская

Томский государственный университет, Томск, Россия, lisbonne@rambler.ru

Аннотация. Анализируется эволюция регулирования трудовой миграции на пространстве Российской империи, СССР и постсоветского пространства. Исследована эволюция миграционных потоков между Россией, Украиной и Молдовой на протяжении XX – начала XXI в., сделан вывод о том, что, несмотря на наличие исторически сложившихся предпосылок для массовых трудовых миграций, разнотемпная интеграция на постсоветском пространстве привела к смене приоритетов трудовых мигрантов из стран Содружества Независимых Государств, не входящих в Евразийский экономический союз.

Ключевые слова: международная трудовая миграция, региональная экономическая интеграция, Евразийский экономический союз, российский рынок труда, украинцы, молдаване

Благодарности: Данное научное исследование (№ 8.1.27.2018) выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Для цитирования: Погорельская А.М. Эволюция регулирования трудовой миграции на евразийском пространстве в XX – начале XXI в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 56–62. doi: 10.17223/19988613/76/7

Original article

The evolution of labour migration regulation in Eurasia in the XX–XXI centuries

Anastasia M. Pogorelskaya

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, lisbonne@rambler.ru

Abstract. The article provides the overview of the changes in labour migration regulation in the Russian Empire, the Soviet Union and the post-Soviet area throughout several centuries. The labour migration role for the development of the Eurasian migration system development is described in the article with the history of the region taken into consideration. The Eurasian migration system is considered to be the set of stable migration flows of various types, established due to historical, cultural, economic, social and other ties between the countries of the post-Soviet area. Thus, the research is mainly based on the migration systems theory. However, historical ties as well as objectively existing differences in the levels of economic development between the countries of departure and destination of migrants in the post-Soviet area are now supplemented by political decisions influencing migration flows, too. Therefore, the author aims at analyzing both the objective prerequisites and nowadays political framework of migration in the post-Soviet area in order to detect their influence on the reasons, directions and scope of current migrations in the region considered in the article.

The Commonwealth of Independent States (CIS) that was established at the post-Soviet area just after the collapse of the Soviet Union, created the conditions for visa-free movement of labor migrants in the 1990s, however, without exempting them from other obligations for legal employment in Russia. It provided the CIS states citizens with advantages over other labour migrants at the Russian labour market. Since the Eurasian Economic Union (EEU) has been launched in 2015 and the single labour market has been created there, the citizens of its five member-states have enjoyed the equal treatment with locals at Russian labour market. The creation of the EEU resulted into less favorable conditions at Russian labour market for those labour migrants who are the citizens of the CIS states not participating in the EEU. The author takes the example of migration between Ukraine, Moldova and Russia in the XX–beginning of XXI centuries to show that despite the prerequisites for large labour migration in the post-Soviet area, the existence of 'two-speed' Eurasian economic integration influences the priority destinations of labour migrants from some CIS countries that are not the EEU member-states. Thus, labour migration of the Ukrainian and Moldavian citizens has switched from Russia to the European Union.

Keywords: international labour migration, regional economic integration, the Eurasian Economic Union, Russian labour market, Ukrainian labour migrants Moldavian labour migrants

Acknowledgments: This research was supported by “The Tomsk State University competitiveness improvement programme” grant (№ 8.1.27.2018).

For citation: Pogorelskaya A.M. (2022) The evolution of labour migration regulation in Eurasia in the XX–XXI centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 56–62. doi: 10.17223/19988613/76/7

Введение

Количество трудовых мигрантов в мире достигает, по данным Международной организации по миграции (ИОМ) 65% всего потока международных мигрантов, который составил в 2017 г. 258 млн человек [1]. Российская Федерация сегодня является одним из центров притяжения мигрантов. В частности, в 2017 г. страна находилась на четвертом месте по количеству международных мигрантов, пребывающих на ее территории [Ibid.]. В Россию, прежде всего, стремятся трудящиеся из стран постсоветского пространства, пользующиеся преимуществами безвизового режима в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ) и отмены патентов на работу в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

В последние годы, ввиду старения и сокращения численности национальной рабочей силы, российские власти указывают на необходимость активного использования международной трудовой миграции для корректировки ситуации на рынке труда. Так, Концепция миграционной политики РФ утверждает, что «миграционная политика является вспомогательным средством для решения демографических проблем и связанных с ними экономических проблем» [2]. Концепция демографической политики РФ на период до 2025 года ставит целью достижение к 2025 г. миграционного прироста населения на уровне 300 тыс. человек ежегодно [3].

Однако для грамотного управления трудовой миграцией требуется принимать во внимание процессы разного порядка. В частности, на миграционную ситуацию в современной России влияют как общемировые миграционные тенденции, так и последствия развития миграционного регулирования на евразийском пространстве в предыдущие века. В данной статье под евразийским пространством понимается территория Российской империи, затем СССР и, наконец, постсоветского пространства. В этой связи с опорой на теорию миграционных систем, предполагающую, что миграции между странами являются результатом связей между государствами происхождения и назначения мигрантов, образовавшихся в результате долгосрочных исторических, политических, экономических и культурных отношений, в статье рассматривается история складывания Евразийской миграционной системы и выявляются изменения в направлении современной трудовой миграции в регионе.

Предыстория российской миграционной политики в XVII–XIX вв.

Миграционная политика российского государства берет начало в XVII в. Тогда с целью заселения новых территорий и их освоения российское государство

приступило к регулированию внутренней миграции, зачастую в виде принудительного переселения крестьян на земли Северного Кавказа, Северного Казахстана, Сибири и Дальнего Востока [4].

Первые официальные акты по регулированию внешней миграции датируются XVIII в. Для иностранцев, желавших переселиться в Россию, были предусмотрены льготы, но обосноваться они могли только там, где им выделялись земли. Хотя данные о количестве мигрантов в те времена весьма приблизительны, можно утверждать, что с XVIII в. до 1861 г. регионом, притягивавшим наибольшее количество иммигрантов, в Российской империи считалась Новороссия [5. С. 7–14].

С отменой крепостного права (1861) начался новый этап в развитии миграционного регулирования в Российской империи, связанный с ростом объемов добровольной трудовой миграции. Государственные меры по ее регулированию заключались в предоставлении льгот тем, кто соглашался переселяться на слабо освоенные земли. Однако существовавшие тогда правила по отведению земель недостаточно стимулировали добровольное переселение.

В конце XIX в. переселение в Сибирь стало на повестке дня в связи с необходимостью строительства Великой Сибирской магистрали (Транссибирская железнодорожная магистраль). Вдобавок переселявшимся в Сибирь и на Дальний Восток предоставлялись значительные льготы, чтобы благодаря их отъезду решить обострившуюся к началу XX в. проблему перенаселенности и недостатка освоенных земель в центральной части империи. Например, в дореволюционный период Украина, испытывавшая аграрное перенаселение, давала до 22% миграции сельского населения на Северный Кавказ, в Сибирь и на Дальний Восток, а также в казахские территории Российской империи [6. С. 779].

В начале XX в. массовым было переселение крестьян в Сибирь в связи со столыпинской реформой 1906–1917 гг., нацеленной на передачу земель из общины в собственность крестьян. Учитывая наличие большого количества свободных земель в Сибири, туда отправлялись те, кто рассчитывал с помощью подъемных, предоставляемых государством, устроиться на новом месте лучше, чем жил до реформы. В результате такой политики из центральной части империи в Сибирь переселились более 3 млн человек [7. С. 8].

Трудовая миграция в советское время

На протяжении советского периода трудовая миграция на евразийском пространстве ограничивалась в основном пределами СССР. Множество мер, в том числе и паспортная система, препятствовало массовой трудовой эмиграции из СССР. На 1920-е гг. пришлось первая в советское время волна массовой управляемой

государством трудовой миграции, обусловленная началом реализации первых пятилетних планов. В целях содействия экономическому развитию молодого советского государства была сделана ставка на стимулирование добровольного переселения кадров на слабозаселенные советские территории Сибири и Центральной Азии.

В 1930-х гг. в рамках политики индустриализации массовое перемещение специалистов по территории СССР носило как добровольный, так и принудительный характер. Например, на «стройки века», включая Магнитогорский металлургический комбинат, ДнепроГЭС и Беломорканал, распределялись недавние выпускники вузов, направлялись специалисты предприятий европейской части страны, а также отправлялись заключенные трудовых лагерей. Ускоренная индустриализация сопровождалась ростом городов. Так, четырехкратный прирост городского населения за период 1927–1938 гг., обеспеченный во многом за счет миграции со всей территории СССР, констатировался на Донбассе [8. С. 4]. Одновременно принудительно на Урал и в Сибирь из Украинской ССР было переселено 65 тыс. семей (около 300 тыс. человек). Численность украинцев, переехавших в 1926–1939 гг. в среднеазиатские республики СССР, оценивается примерно в 217 тыс. человек. В результате в 1920–1930-х гг. население РСФСР в целом увеличилось за счет миграционного притока из других союзных республик, в то время как отток населения констатировался в Украинской, Белорусской и Казахской ССР [6. С. 764–779].

Одновременно в связи с нехваткой продовольствия в стране стали предприниматься попытки противодействия свободному отъезду сельского населения в города путем введения паспортной системы. В соответствии с реформой 1932 г. только городские жители и граждане, проживавшие в 10-километровой зоне вокруг городов, могли получить паспорт, необходимый для смены места жительства и официального трудоустройства. Запрет на выдачу паспортов селянам официально оставался в силе до 1974 г., отчасти сдерживая отток жителей из деревни [9]. Было введено и правило трудоустройства в городе только при наличии прописки в нем, т.е. официальной регистрации по месту жительства. Тем не менее предпринимавшиеся государством меры, ввиду масштабов страны и количества ее населения, а также многочисленные послабления паспортного законодательства, конечно, не останавливали самостоятельного движения населения, в том числе с целью трудоустройства [10. С. 20], и к 1985 г. уже 65% населения СССР проживало в городах [11. С. 24].

Масштабная вынужденная трудовая миграция, способствовавшая «перемешиванию» населения в СССР, происходила накануне и в годы Великой Отечественной войны. В связи с эвакуацией производства из западных областей на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток и в Казахскую ССР туда переводились и специалисты, которых на забрали на фронт. Кроме того, принудительный характер носили миграции отдельных этнических групп. Например, значительное количество молдаван прибыло в Сибирь и Казахскую ССР в ходе депортаций 1940 – начала 1950-х гг., в то время

как до этого они в основном расселялись по территориям Молдавской и Украинской союзных республик [12. С. 791].

После войны в целях ускоренного восстановления промышленности и инфраструктуры население рекрутировалось для работы на всесоюзных стройках, включая Волго-Донской канал, Братскую ГЭС, Байкало-Амурскую магистраль и другие объекты, на которые стягивались кадры со всей страны. Промышленное развитие 1960-х гг. ознаменовалось созданием множества промышленных предприятий, укомплектовать которые не всегда удавалось местными кадрами, в связи с чем активизировалась работа системы распределения выпускников высших и средних специальных учебных заведений, официально учрежденной еще в 1933 г. и обновленной в 1968 г. [12]

В 1960–1980-х гг. активным ростом городов и доли городского населения за счет миграции характеризовались Молдавия и юго-запад Украины, где ранее доля городского населения была одной из самых низких в СССР. При этом в Молдавию переселялось значительное количество русских, поскольку местное сельское население не было готово переселяться в города. В 1960-х гг. урбанизация и ускоренное промышленное развитие способствовали миграционному притоку со всей советской территории в УССР в количестве 517,8 тыс. человек, в 1970-х гг. – 188,8 тыс. человек, в 1980-х гг. – 240,2 тыс. человек. В результате за 1917–1989 гг. количество русских на Украине увеличилось более чем в 3 раза. А вот Молдавская ССР была центром притяжения мигрантов из других республик только в 1960-е гг., а в 1970–1980-е гг. констатировался отток мигрантов из Молдавии. Многие ехали добровольно в Сибирь и на Дальний Восток на массовые стройки и промышленные объекты. Тем не менее количество русских в Молдавии за период 1917–1989 гг. увеличилось в 4,3 раза [8. С. 12].

Таким образом, на протяжении большей части XX в. трудовая миграция на евразийском пространстве была объектом активного государственного регулирования. В интересах развития территории государство активно содействовало и даже принуждало население к трудовой миграции в Сибирь, северные территории, Дальний Восток и в Центральную Азию, где средняя плотность населения была относительно низкой, что ранее препятствовало освоению этих земель. Существовала, конечно, и стихийная миграция, которую трудно было остановить ввиду огромных масштабов страны. В результате же массовых миграций по территории СССР, которая была в значительной степени отгорожена от мировых миграционных потоков на протяжении значительной части XX в., произошло перемешивание населения на указанной территории, обусловившее установление и укрепление существующих социальных связей между ее частями.

Трудовая миграция на постсоветском пространстве

Общая история евразийского пространства, в ходе которой на его территории действовали единая система хозяйства, общие институты и практики, обусло-

вившие наличие экономических, политических и культурных связей между его частями, стала предпосылкой складывания Евразийской миграционной системы [14]. Ее существование подтверждается тем, что, несмотря на распад СССР, миграция внутри постсоветского пространства все-таки превышала по объемам миграцию населения за его пределы. Например, в 1991–2001 гг. иммиграция в Россию составила 7,1 млн человек, эмиграция – 2,5 млн человек [15. С. 257]. При этом в течение 1992–2007 гг. Россия приняла более 12 млн иммигрантов только из стран бывшего СССР [16. С. 20].

Тем не менее в 1990-х гг. миграция на постсоветском пространстве претерпела принципиальные изменения. С одной стороны, ввиду установления новых государственных границ перемещения по региону стали сложнее, поскольку требовалось оформление необходимых документов для въезда, соответствующих правилам конкретной страны. С другой стороны, сворачивание жесткого централизованного регулирования миграции позволило ей подчиняться объективным рыночным законам. Трудовые мигранты стали перемещаться, ориентируясь на относительные показатели уровня жизни и заработной платы. В результате основными государствами притяжения трудовых мигрантов на постсоветском пространстве стали Россия и Казахстан [17].

Ввиду необходимости корректировки экономической ситуации во всех постсоветских странах и предоставления своим гражданам возможности заработать руководство молодых независимых государств согласилось на установление безвизового режима, соглашение о создании которого в СНГ было подписано уже в 1992 г. Тем не менее договоренности в формате СНГ не смогли устранить множества иных барьеров, осложняющих трудоустройство граждан соответствующих государств. Например, граждане стран СНГ должны были получать патенты на работу в России, имеющие ограниченный срок действия и оплачиваемые каждым гражданином.

Разные ожидания государств в отношении глубины сотрудничества в рамках СНГ, а также сохранение административных барьеров, препятствующих складыванию общего рынка труда, привели к тому, что отдельные государства постсоветского пространства решили перейти к углубленной экономической интеграции и созданию единого рынка труда.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС), включающий пять государств-членов – Армению, Белоруссию, Казахстан, Кыргызстан и Россию, начал действовать с 1 января 2015 г. Содействие легальной трудовой миграции стало одной из насущных задач ЕАЭС. В этой связи при подписании Договора о ЕАЭС государствам-членам удалось договориться по принципиальному вопросу проведения согласованной политики в сфере регулирования трудовой миграции, т.е. по гармонизации ее правового регулирования, в том числе на основе решений наднациональных органов.

Для граждан государств – членов ЕАЭС была отменена необходимость получения какого-либо разрешения на трудоустройство на всей территории Союза, а срок их пребывания в государствах – членах ЕАЭС

стал определяться сроками их трудового договора или договора об оказании услуг гражданско-правового характера, а не сроком действия патента, как установлено на российском рынке труда для граждан иных государств СНГ.

Вдобавок в ЕАЭС большинство квалификаций и дипломов, полученных в государствах-членах, стало признаваться автоматически, за исключением таковых в педагогической, юридической, медицинской и фармацевтической сферах, в отличие от других стран СНГ, чьи дипломы должны проходить установленную процедуру нострификации при трудоустройстве их обладателя в России.

Трудовые мигранты из числа граждан государств – членов ЕАЭС получили права на равное с гражданами государства пребывания социальное обеспечение (кроме пенсионного), медицинское обслуживание (в экстренной и неотложной формах, включая членов их семей), а дети граждан государств – членов ЕАЭС получили право на посещение дошкольных и школьных учреждений наравне с гражданами государства их пребывания. Кроме того, в ЕАЭС были установлены единые условия налогообложения доходов граждан государств-членов. Таким образом, с учреждением ЕАЭС граждане его государств-членов получили возможности трудоустройства в России на равных с российскими гражданами и на гораздо более простых условиях, чем граждане других стран СНГ.

В этой связи количество въехавших в Россию с целью трудоустройства граждан остальных государств – членов ЕАЭС значительно выросло уже в 2015 г. по сравнению с 2014 г. Так, количество граждан Кыргызстана, въехавших с целью работы в РФ, выросло с 371 656 до 512 432 человек. Количество граждан Белоруссии и Казахстана, въехавших в РФ с аналогичной целью, на протяжении 2014–2017 гг. неуклонно росло. Количество граждан Белоруссии выросло на 44,5%, граждан Казахстана – на 50%. Однако потоки трудовой миграции из государств – членов ЕАЭС в Россию не были стабильными. В частности, количество граждан Армении и Кыргызстана, въехавших для работы в Россию, снизилось в 2016 г. и вновь выросло в 2017 г. [18]

Всего же в России на конец 2018 г. на миграционный учет было поставлено 17,8 млн человек, из которых на первом месте по количеству находились граждане Узбекистана (около 4,5 млн), на втором месте – Таджикистана (2,3 млн), на третьем – КНР (1,8 млн), на четвертом – Украины (около 1,8 млн), далее по мере убывания следовали граждане Кыргызстана, Казахстана, Азербайджана, Армении, Молдовы и Белоруссии [19]. Конечно, данная статистика не дает точного понимания того, сколько фактически на территории страны на конец года находилось граждан тех или иных стран, поскольку постановка на миграционный учет является обязательной при каждом новом въезде в страну, и тем самым такая статистика может несколько раз учитывать одного и того же человека, который на протяжении года несколько раз съездил домой, что особенно актуально ввиду географической близости указанных стран к России. Тем не менее приведенные цифры дают представление об интенсив-

ности миграции между Россией и иными странами СНГ. Из поставленных на миграционный учет иностранцев, въехавших в Россию с целью трудоустройства, которых в 2018 г. насчитывалось почти 5,048 млн человек, 39,8% составляли граждане Узбекистана, 20,2% – Таджикистана, 9,1% – Украины, 7% – Кыргызстана, 4,1% – Армении, 3,5% – Молдовы, 2,7% – Белоруссии, 2,2% – Казахстана, доли процента составляли граждане Грузии [19].

Хотя ЕАЭС еще не достиг полноценного функционирования единого рынка труда, он предоставил преимущества трудовым мигрантам из стран ЕАЭС на российском рынке труда перед гражданами остальных государств СНГ. Доля граждан ближнего зарубежья среди трудовых мигрантов в России хотя и осталась весьма высокой – в пределах 85–86%, соображения по поводу обеспечения своим гражданам наиболее благоприятных условий доступа на российский рынок труда заставили, например, президента Узбекистана заявить в начале октября 2019 г., что вопрос присоединения страны к ЕАЭС находится на стадии проработки [20].

Миграция молдаван в Россию, которая приобрела массовый характер с конца 1990-х гг., не отличалась стабильностью. С 1997 по 2004 г. число прибывших в Россию из Молдовы в основном снижалось, затем с 2005 по 2015 г. количество въехавших росло с 6,6 тыс. человек до 34 тыс. в 2015 г., а затем снова снизилось до 30,7 тыс. в 2018 г. Похожая тенденция характерна и для количества въезжающих в Россию граждан Украины: с 1997 по 2004 г. количество въезжающих ежегодно снижалось, затем на протяжении 2005–2015 гг. (кроме провала в 2010 г.) росло с 30,8 тыс. (2005) до 194,2 тыс. человек (2015), снизившись постепенно до 137,8 тыс. к 2018 г. Снижение количества иммигрантов из Молдовы и Украины в 2015–2018 гг. подтверждает, что с предоставлением более благоприятных условий для трудоустройства в России гражданам из ЕАЭС жители этих двух стран стали переориентироваться на миграцию по другим направлениям.

Действительно, динамика прибывших из государств СНГ в Россию с 2015 г. демонстрировала тенденцию к спаду только относительно граждан Украины и Молдовы. Количество граждан остальных государств СНГ, въезжающих в Россию, либо постоянно росло (Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан), либо значительно выросло в 2017 г., чуть снизившись в 2018 г. (Армения, Белоруссия, Узбекистан) [21].

Исследователями еще в 2010 г. было отмечено, что граждане Молдовы все чаще приезжают в страны СНГ (прежде всего – в Россию и на Украину) для краткосрочной трудовой миграции, в то время как приоритетом в долгосрочной трудовой иммиграции для них служат страны ЕС, меньший поток трудовой миграции направлен в Канаду и США. Согласно исследованиям европейских ученых, проведенным в 2007 г., 44% опро-

шенных ими жителей, в основном образованных людей в возрасте 18–40 лет, желали эмигрировать из страны, главным образом в связи с невозможностью трудоустройства [22. Р. 5–10].

На протяжении 2014–2017 гг. количество эмигрантов из Молдовы выросло почти на 29%: со 123 до 159 тыс. человек в год [23]. При этом в связи со снижением их притока в Россию доля тех, кто уезжает на заработки из Молдовы в ЕС, увеличивается. В частности, они составляют почти 7,5% иммигрантов в Румынии; а если принять во внимание тех выходцев из Молдовы, которые там натурализовались, то их процент в населении, рожденном за пределами Румынии, составит 39,3%.

Присутствие иммигрантов из Украины стало заметным в таких странах ЕС, как Литва (22,7% всех иммигрантов в стране), Чехия (22,2%), Португалия (7,7%), Болгария (6,9%), Венгрия (6,5%), Италия (4,6%) и Эстония (4,4%) [24].

Переориентацию на трудовую иммиграцию в ЕС граждан Украины и Молдовы косвенно подтверждает и рост сумм денежных переводов мигрантов из-за рубежа, получаемых этими странами ежегодно. Украина значительно поднялась за последние пять лет в рейтинге стран, получающих самые большие переводы от своих мигрантов из-за рубежа. В частности, в 2014 г. она занимала 19-е место, в 2015 г. – 16-е, в 2016 г. – 15-е, в 2017–2018 гг. – уже 12-е место в мире. Так, в 2018 г. Украина получила в виде денежных переводов мигрантов более 14 млрд долл. США, что составило 11,4% ВВП страны. В Молдове процент ВВП, который составляют денежные переводы мигрантов из-за рубежа, еще больше – 16,1% (2018), но меньше в абсолютных цифрах (1,84 млрд долл. США) [25].

Таким образом, ввиду сосуществования некогда в пределах единого государства, наличия социальных связей и знания русского языка, для граждан стран бывшего СССР на сегодня созданы все предпосылки для массовой трудовой миграции на евразийском пространстве и в Россию в частности. Однако статистические показатели подтверждают, что с углублением интеграции в рамках ЕАЭС граждане других государств региона оказались в менее выгодном положении на российском рынке труда, чем граждане государств – членов ЕАЭС. И хотя Россия все еще остается местом притяжения значительного количества трудовых мигрантов в соответствующем регионе, граждане Украины и Молдовы в силу их географического положения, а также надежд на углубление сотрудничества с ЕС, которые не оставляет руководство обеих стран, переориентируются на миграцию, прежде всего трудовую, в Европейский Союз. В этой связи на российском рынке труда их место займут граждане других близлежащих государств. Учитывая динамику их присутствия в последние годы, есть основания полагать, что это сделают трудовые иммигранты из Узбекистана и Таджикистана.

Список источников

1. International Migration Report // United Nations. 2017. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017_Highlights.pdf (accessed: 15.12.2018).

2. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 17.08.2019).
3. Концепция 2007 – Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года // Население и общество. 2007 URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/zniki/koncepciya/koncepciya25.html> (дата обращения: 14.08.2019).
4. Гаврилова Н.Ю., Дудин В.Е., Устинова О.В. Миграционная политика в дореволюционной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2018. № 3. С. 1–7.
5. Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Миграционная политика России: история и современность. М.: Экон-Информ, 2016. 192 с.
6. Максудов С. Миграции в СССР в 1926–1939 годах // Cahiers du monde russe : Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants. 1999. Вып. 40 (4). С. 763–796.
7. Никулин П.Ф. Основные направления и итоги Столыпинской аграрной реформы (1906–1916 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 1 (17). С. 5–10.
8. Зайончковская Ж.А. Миграция населения СССР и России в XX веке: эволюция сквозь катаклизмы // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4. С. 3–15.
9. Жирнов Е. «Не имеют права на паспорт 37 процентов граждан» // Коммерсантъ Власть, 2009. № 14. С. 54.
10. Тарасов А.Ю. Паспортная система и паспортный режим в Советском государстве в 30-е гг. XX в.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 25 с.
11. Васильева Э.К., Елисеева И.И., Кашина О.Н. и др. Динамика населения СССР 1960–1980 гг. М.: Финансы и статистика, 1985. 176 с.
12. Сталинские депортации. 1928–1953 / под общ. ред. А.Н. Яковлева; сост. Н.П. Поболь, П.М. Полян. М.: Междунар. фонд «Демократия»: Материк, 2005. 902 с.
13. Конохова А.С. «И нам в ответ раздаются назначения по городам областного значения...»: система распределения выпускников вузов в СССР в годы хрущевской «оттепели» // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 233–242.
14. Ивахнюк И.В. Евразийская миграционная система: теория и политика // Вестник РУДН. Сер. Международные отношения. 2008. № 2. С. 21–28.
15. Юдина Т.Н. Социология миграции: к формированию нового научного направления. М.: Дашков и К°, 2004. 399 с.
16. Ивахнюк И.В. Формирование и функционирование Евразийской миграционной системы: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2008. 46 с.
17. Monthly earnings // International Labour Organization. 2019. URL: https://www.ilo.org/ilostat/faces/wcnav_defaultSelection;_afSTATCOOKIE=aggoBm2ben8fRnspgOzdP95MiPoHrHJK2v9-rc8-FZYNCsWLH_xe!-612270756?_afLoop=5046035024253684&_afWindowMode=0&_afWindowId=null#!%40%40%3F_afWindowId%3Dnull%26_afLoop%3D5046035024253684%26_afWindowMode%3D0%26_adf.ctrl-state%3Dn9dx7f8u4_4 (accessed: 13.09.2019).
18. Сведения о численности граждан государств – членов Евразийского экономического союза, въехавших в страну (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация) для осуществления трудовой деятельности за 2013 – 1 полугодие 2019 г. // Евразийская экономическая комиссия. 2018. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/migration/tm/Documents/Сведения%20о%20численности%20граждан%20государств%202013-%201%20%20полугодие%202019.pdf> (дата обращения: 28.08.2019).
19. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2018 года с распределением по странам и регионам // Министерство внутренних дел Российской Федерации. 2019. 24 янв. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/15851053/> (дата обращения: 15.09.2019).
20. Узбекистан прорабатывает вопрос о присоединении к ЕАЭС, – заявила Матвиенко // РИА Новости. 2019. 2 окт. URL: <https://ria.ru/20191002/1559343154.html> (дата обращения: 12.10.2019).
21. Международная миграция // Федеральная служба государственной статистики. 2019. 4 июня. URL: <https://gks.ru/storage/mediabank/Migr2> (дата обращения: 13.10.2019).
22. The contribution of human resources development to migration policy in Moldova // European Training Foundation. 2007. December. URL: https://www.etf.europa.eu/sites/default/files/m/C12578310056925BC12573DB004D3B74_NOTE84CGJU.pdf (accessed: 12.10.2019).
23. Emigrants and immigrants based on border crossing data, by sex and age group, 2014–2017 // National Bureau of Statistics, Moldova. 2018. URL: http://statbank.statistica.md/pxweb/pxweb/en/20%20Populatia%20si%20procesele%20demografice/20%20Populatia%20si%20procesele%20demografice_POPPrec_POP070/POP070100rcl.px/table/tableViewLayout1?rxid=b2ff27d7-0b96-43c9-934b-42e1a2a9a774 (дата обращения: 12.10.2019).
24. Migration and migrant population statistics // Eurostat. 2018. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Migration_and_migrant_population_statistics (accessed: 13.10.2019).
25. Annual Remittances Data : updated as of Apr. 2019 // The World Bank Group. 2019. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/migration/remittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data> (accessed: 12.10.2019).

References

1. UNO. (2017) *International Migration Report*. [Online] Available from: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017_Highlights.pdf (Accessed: 15.12.2018).
2. Kremlin.ru. (n.d.) *Kontseptsiya gosudarstvennoy migratsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na 2019–2025 gody* [The concept of the state migration policy of the Russian Federation for 2019–2025]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (Accessed: 17th August 2019).
3. Russia. (2007) *Kontseptsiya 2007 – Kontseptsiya demograficheskoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda* [Concept 2007 – The concept of the demographic policy of the Russian Federation up to 2025]. [Online] Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly/zniki/koncepciya/koncepciya25.html> (Accessed: 14th August 2019).
4. Gavrilova, N.Yu., Dudin, V.E. & Ustinova, O.V. (2018) *Migratsionnaya politika v dorevolutsionnoy Rossii* [Migration policy in pre-revolutionary Russia]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki – Humanities, Socio-economic and Social Sciences*. 3. pp. 1–7.
5. Vorobieva, O.D., Rybakovskiy, L.L. & Rybakovskiy, O.L. (2016) *Migratsionnaya politika Rossii: istoriya i sovremennost'* [Migration policy of Russia: history and modernity]. Moscow: Ekon-Inform.
6. Maksudov, S. (1999) *Migratsii v SSSR v 1926–1939 godakh* [Migration in the USSR in 1926–1939]. *Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants*. 40(4). pp. 763–796.
7. Nikulin, P.F. (2012) *Osnovnye napravleniya i itogi Stolypinskoy agrarnoy reformy (1906–1916 gg.)* [The main directions and results of the Stolypin agrarian reform (1906–1916)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1(17). pp. 5–10.
8. Zayonchkovskaya, Zh.A. (2000) *Migratsiya naseleniya SSSR i Rossii v XX veke: evolyutsiya skvoz' kataklizmy* [Migration of the population of the USSR and Russia in the 20th century: evolution through cataclysms]. *Problemy prognozirovaniya*. 4. pp. 3–15.
9. Zhirnov, E. (2009) *Ne imeyut prava na pasport 37 protsentov grazhdan* [37 percent of citizens do not have the right to a passport]. *Kommersant' Vlast'*. 14. p. 54.
10. Tarasov, A.Yu. (2005) *Pasportnaya sistema i pasportnyy rezhim v Sovetskom gosudarstve v 30-e gg. XX v.* [Passport system and passport regime in the Soviet state in the 1930s]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.

11. Vasilieva, E.K., Eliseeva, I.I., Kashina, O.N. et al. (1985) *Dinamika naseleniya SSSR 1960–1980 gg.* [Dynamics of the population of the USSR in 1960–1980]. Moscow: Finansy i statistika.
12. Yakovlev, A.N. (2005) *Stalinskie deportatsii. 1928–1953* [Stalin's deportations. 1928–1953]. Moscow: MFD: Materik. pp. 789–798.
13. Konokhova, A.S. (2012) “We receive appointments to the backwoods towns...”: graduates’ job placement in USSR during the “thaw” period. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 3. pp. 233–242. (In Russian).
14. Ivakhnyuk, I.V. (2008) *Evraziyskaya migratsionnaya sistema: teoriya i politika* [Eurasian migration system: theory and politics]. *Vestnik RUDN, seriya Mezhdunarodnye otnosheniya – Vestnik RUDN. International Relations*. 2. pp. 21–28.
15. Yudina, T.N. (2004) *Sotsiologiya migratsii: k formirovaniyu novogo nauchnogo napravleniya* [Sociology of migration: towards the formation of a new scholarly direction]. Moscow: Dashkov i K°.
16. Ivakhnyuk, I.V. (2008) *Formirovanie i funkcionirovanie Evraziyskoy migratsionnoy sistemy* [Formation and functioning of the Eurasian migration system]. Abstract of Economy Dr. Diss. Moscow.
17. International Labour Organization. (2019) *Monthly earnings*. [Online] Available from: https://www.ilo.org/ilostat/faces/wcnav_defaultSelection;ILOSTATCOOKIE=aqgoBm2ben8fRNspgOzdP95MiPoHpHJK2v9-rc8-FZYNCsWLH_xe!-612270756?_afLoop=5046035024253684&_afWindowMode=0&_afWindowId=null!%40%40%3F_afWindowId%3Dnull%26_afLoop%3D5046035024253684%26_afWindowMode%3D0%26_adf.ctrl-state%3Dn9dx7f8u4_4 (Accessed: 13th September 2019).
18. Eurasian Economic Commission. (2018) *Svedeniya o chislennosti grazhdan gosudarstv-chlenov Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza, v'ekhavshikh v stranu (Respublika Armeniya, Respublika Belarus', Respublika Kazakhstan, Kyrgyzskaya Respublika, Rossiyskaya Federatsiya) dlya osushchestvleniya trudovoy deyatel'nosti za 2013 – 1 polugodie 2019 gody* [Information on the number of citizens of the member states of the Eurasian Economic Union who entered the country (Republic of Armenia, Republic of Belarus, Republic of Kazakhstan, Kyrgyz Republic, Russian Federation) for labor activity for 2013 – 1st half of 2019]. [Online] Available from: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/migration/tm/Documents/Svedeniya%20o%20chislennosti%20grazhdan%20gosudarstv%202013-%201%20polugodie%202019.pdf> (Accessed: 28th August 2019).
19. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (2019) *Otdel'nye pokazateli migratsionnoy situatsii v Rossiyskoy Federatsii za yanvar' – dekabr' 2018 goda s raspredeleniem po stranam i regionam* [Selected indicators of the migration situation in the Russian Federation for January – December 2018 with distribution by country and regions]. 24th January. [Online] Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/15851053/> (Accessed: 15th September 2019).
20. RIA Novosti. (2019) *Uzbekistan prorabatyvaet vopros o prisoedinenii k EAES, zayavila Matvienko* [Uzbekistan is working on the issue of joining the EAEU, said Matvienko]. 2nd October 2019. [Online] Available from: <https://ria.ru/20191002/1559343154.html> (Accessed: 12th October 2019).
21. Federal State Statistics Service. (2019) *Mezhdunarodnaya migratsiya* [International migration]. 4th June 2019. [Online] Available from: <https://gks.ru/storage/mediabank/Migr2> (Accessed: 13th October 2019).
22. European Training Foundation. (2007) *The contribution of human resources development to migration policy in Moldova*. [Online] Available from: https://www.etf.europa.eu/sites/default/files/m/C12578310056925BC12573DB004D3B74_NOTE84CGJU.pdf (Accessed: 12th October 2019).
23. National Bureau of Statistics, Moldova. (2018) *Emigrants and immigrants based on border crossing data, by sex and age group, 2014–2017*. [Online] Available from: http://statbank.statistica.md/pxweb/pxweb/en/20%20Populatia%20si%20procesele%20demografice/20%20Populatia%20si%20procesele%20demografice__POPrec__POP070/POP070100rcl.px/table/tableViewLayout1/?rxid=b2ff27d7-0b96-43c9-934b-42e1a2a9a774 (Accessed: 12th October 2019).
24. Eurostat. (2018) *Migration and migrant population statistics*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Migration_and_migrant_population_statistics (Accessed: 13th October 2019).
25. The World Bank Group. (2019) *Annual Remittances Data (updated as of April 2019)*. [Online] Available from: <https://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data> (Accessed: 12th October 2019).

Сведения об авторе:

Погорельская Анастасия Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lisbonne@rambler.ru

Information about the author:

Pogorelskaya Anastasia M. – Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lisbonne@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 24.10.2019; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 24.10.2019; accepted for publication 22.02.2022